

ЛЮБОВЬ БЕВЗЕНКО,

доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник отдела социальной психологии Института социологии НАНУ (01021, Киев, ул. Шелковичная, 12)

LIUBOV BEVZENKO,

Doctor of Social Sciences, Leading Research Fellow, Department of Social Psychology, Institute of Sociology, National Academy of Sciences of Ukraine (12, Shovkovykhna St., Kyiv, 01021)

lbevzenko@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0002-4020-1937>

Агенты социальных изменений в кризисном социуме: варианты проблематизации и контуры концептуальной рамки исследования

Уже почти 30-летняя история становления нашего независимого государства показала, что процессы социальных изменений, произошедших за это время, сложны, непоследовательны, во многом непредсказуемы. В отечественном социологическом дискурсе мы обозначали их как трансформационные, переходные, кризисные. При всей близости этих терминов первые два (трансформационный, переходный) выглядят более-менее обнадеживающе, мягко указывая на временность существующих проблем и обещая, в итоге, позитивное завершение перехода и трансформации. Правда, уже неоднократные упования на успех очередных реформ и очередную смену власти оказывались напрасными. Поэтому, на мой взгляд, точнее все же будет обозначать этот период в жизни общества как кризисный.

Отличие от перехода и трансформации *кризис* является более неопределенным состоянием, и варианты выхода из него могут быть как в позитив, так и в негатив, если не в перманентное кризисное погружение. Конечно, можно обсуждать, что является позитивом, а что негативом. Здесь под этим мы будем понимать определенную новую стабилизацию, но с разными ценностными векторами (так, демократизация и путь авторитаризма являются возможными противоположными выходами из социального кризиса). Иными словами — трансформация и переход вроде бы имеют определенное направление движения — от одного состояния к другому, тогда как кризис обещает лишь существенные изменения, не гарантируя того, какими они будут.

Непредсказуемость — одна из главных характеристик течения нашей общественной жизни в моменты кризисных переходов. И в нашей стране

Цитирование: Бевзенко, Л. (2020). Агенты социальных изменений в кризисном социуме: варианты проблематизации и контуры концептуальной рамки исследования. *Социология: теория, методы, маркетинг*, 4, 111–132.

это наблюдалось в течение всех трех последних десятилетий. Страна за это время пережила несколько масштабных событий, определяемых как Революция на граните, Оранжевая революция, Революция Достоинства. По определению Е. Головахи, выборы президента в 2019 году можно считать Электоральной революцией (Электоральным Майданом), с чем трудно не согласиться, учитывая наблюдавшиеся тогда неожиданность и непредсказуемость результата.

Хотя, на первый взгляд, все эти революционные события были победными, позже обнаруживалось, что ожидания тех, кто был движущей силой этих революций, всякий раз во многом не оправдывались. Это приводило к новым кризисным состояниям и революционным протестам. Движение от революции к революции указывает на то, что постреволюционные стабилизационные изменения за достаточно короткое время вновь переходили к состоянию кризиса, что и приводило к новым революционным всплескам.

Каким образом это происходит, какие социальные силы выступают двигателем подобных изменений? Какие теоретические модели и эмпирические методы мы должны использовать, пытаясь это понять? Доминирует ли здесь макроуровень, полностью детерминируя социальные изменения независимо от действий отдельных акторов? Или же, напротив, можно описать эти процессы, используя только микросоциальные модели (считая, что доминирующей причиной этих изменений являются отдельные люди-агенты — одухотворенные пассионарии или же те, кто имеет свои интересы и сознательно организует массовые протесты и революции ради достижения этих интересов тогда, когда считают это для себя необходимым)? Каким может быть интегративное видение ситуации, учитывающее как те, так и другие уровни социальной детерминации (структурные и агентные)? Что чему здесь должно предшествовать? И что мы должны понимать под агентами социальных изменений, если присоединяемся именно к интегративной теоретической платформе? Это те вопросы, которые естественно возникают в попытках теоретически и эмпирически осмыслить эти события украинской истории. Ответ на них существенно зависит от того теоретического поля, в рамках которого его ищут.

Традиционно в социологии эти полярные исследовательские платформы относятся к моделям микро- или макродетерминизма либо обозначают как дилемму системы или действия, *структуры или агента*. До сих пор не достигнут внутрисоциологический консенсус касательно правильности выбора между этими теоретическими полюсами. Поиск интегративных теорий, усиленно ведущийся с конца прошлого века, так и не привел к единой согласованной теории, несмотря на ряд блестящих имен, с которым он связан (Дж. Александер, Р. Коллинз, Дж. Ритцер, Э. Гидденс, П. Бурдьё, П. Штомпка, М. Арчер, Дж. Коулмен, Ю. Хабермас и др.). Ситуация *кризисного общества* еще больше обостряет указанную дилемму, в частности и потому, что в указанных теориях эту ситуацию преимущественно не рассматривают как отдельную проблему, которая бы требовала другого подхода, нежели ситуация общественного гомеостаза, эволюционных, а не революционных изменений. А для нас она является проблемным фокусом, представляет не только теоретический, но и глубоко практический интерес, ведь в зависимости от теоретических ответов могут выстраиваться как стратегии эмпирических ис-

следований, так и рекомендации в отношении общественного менеджмента в период обострения социального кризиса.

В этой статье мы далеки от того, чтобы дать ответ на поставленные масштабные вопросы, но определенные концептуальные контуры их рассмотрения намерены предложить. Логично в качестве ключевых понятий, вокруг которых будут выстраиваться эти контуры основной концептуальной схемы, *выбрать понятия “социальная нестабильность”, “социальный кризис как предельная мера социальной нестабильности”, “социальные изменения в кризисном социуме”, “агенты социальных изменений в кризисном социуме”*.

В зависимости от выбранного теоретического полюса в микро-макродетерминистской дилемме концептуальная схема будет выглядеть по-разному. Но вопрос, кто является агентами изменений в кризисном социуме и как именно они осуществляют эту агентность, в любом случае остается важным, хотя ответы будут кардинально различаться. А в контексте нашей отечественной истории это важная проблема как научного, так и сугубо практического и исторического порядка.

В таком случае научная проблема может приобретать двойственное звучание и разные масштабы проблематизации.

В *первом случае* теоретической платформой мы выберем самую известную работу, посвященную проблеме социальных изменений — книгу П. Штомпки “Социология социальных изменений” [Штомпка, 1996]. В ней автор проделал масштабную работу по изучению всех теоретических взглядов на социальные изменения. Была ли получена при этом синтетическая модель, сказать трудно. По моему мнению, макроуровень там все же выглядит менее весомым, чем уровень отдельных агентов. Но, в любом случае, можно выстраивать стратегию нашего исследования, исходя из тех теоретических предложений, которые мы находим у Штомпки. Как утверждает польский социолог, к агентам социальных изменений могут быть отнесены:

1. Масштабные социальные идеи (аргументация со ссылкой на работы М. Вебера и приведенный там пример преобразующей силы протестантской идеи).
2. Отдельные харизматичные лидеры.
3. Социальные движения.
4. Революционные события.

Если мы остановимся на такой подробной констатации, то нашей **научной проблемой 1** может стать изучение конкретных агентов изменений именно в нашей стране. И идей, и лидеров, и движений, и революций за последние годы мы повидали достаточно, они реально были в центре событий, изменявших страну. Выявлять их, изучать и описывать — это весьма интересная задача. Но в таком случае не ставим ли мы перед собой задачу скорее описательно-констатационного характера? Как должна разворачиваться программа такого исследования? Какие гипотезы в отношении этих идей, движений, лидеров мы должны здесь выдвигать?

Во *втором случае* мы снова можем задать вопросом теоретического определения — считать ли этих агентов основным фактором, детерминирующим изменения (микродетерминизм), или же брать в качестве первичных некие макрообщественные события, порождающие определенные общественные состояния и вызовы? Такие события описываются в терминах, не привязанных к конкретным агентам, — кризис, нестабильность, конфликт,

напряженность, которые и актуализируют появление на общественной арене названных выше агентов изменений. В этом случае мы можем предположить, что конкретные идеи, движения, личности случайны, а их принципиальное появление — закономерно. Скажем, протестантизм у Вебера, в рамках такого видения, выглядит следствием той ситуации, которая сложилась в Европе в момент его появления как идеи, той напряженности и кризиса, которые обусловили предшествовавшие этому войны и эпидемии. Цепочка изменений вплоть до “духа капитализма” тянется именно отсюда.

Именно в этой *второй*, более теоретизированной постановке вопроса мы сможем надеяться понять, почему в одной ситуации пламя революции (Майдан) разгорается быстро и будто от одной искры, а в других попытки определенных заинтересованных акторов вызывать масштабные протесты быстро гаснут, несмотря на огромные затраты организаторов, и не приводят к социальным сдвигам в направлении изменений.

Если мы соглашаемся с таким расширением проблемных вопросов, то в более широком плане **нашу задачу-проблему 2** можно сформулировать так: Какие макросоциальные закономерности приводят к тому, что определенный человек, движение, идея становятся агентом и проводником социальных изменений? Как эти закономерности объединить в общей интегративной макро-микромоделе социальных процессов, позволяющей увидеть социальные изменения как цепочку “социальный кризис — соответствующая социальная ситуация — агенты изменений (человек-лидер — идея — движение — революция) — новая измененная социальная ситуация.

Здесь может возникнуть вопрос — всегда ли в этой цепочке должна появляться революция? Судя по наблюдениям Штомпки — не всегда. И эти наблюдения являются обоснованными, поэтому в искомой модели должна содержаться такая вариативность процессов изменений. Традиционно их обозначают как эволюционные и революционные. Но нам нужна модель, которая бы определяла, когда именно такое может произойти, когда для изменений достаточно агентности, которую несут с собой идеи, движения, люди, обеспечивая эволюционное развитие социальных изменений, а когда к этому добавляются и революционные события.

В такой постановке **проблема 2 вбирает в себя проблему 1** как частный случай, как подзадачу эмпирического порядка.

На мой взгляд, следует разделять понятия *агента и агентности* как характеристики того, кого или что мы обозначаем как агентов изменений. В этом случае человека, движение, идею можно называть агентами изменений, когда те приобретают это качество. Тот ряд уточняющих вопросов, возникающих в рамках проблемы 2, можно сформулировать следующим образом:

1. *Агентность* — является ли она непосредственной характеристикой именно этих идей, людей и движений и только ли благодаря этому их качеству происходят изменения? То есть достаточно ли было их появления на исторической арене, чтобы произошли изменения? Или же агентность может означать способность быть проводником чего-то другого, способность сочетать качества того, кого потом назовут агентом, и социальной ситуации, в которой он оказался и действует? Именно это объединение и позволяет ему стать агентом изменений и преобразований. Как это объединение происходит, каков его социальный или социально-психологический механизм?

2. Откуда, при каких условиях возникает в той или иной идее, человеке, движении или революционном протесте качество агентности в отношении изменений именно в *кризисном* социуме? Откуда эта способность влиять на социальные процессы и изменять их ход в ситуации, когда будущее трудно прогнозируемо, что и является основной характеристикой кризиса? “Не знаю, что делать дальше” — это краткая характеристика ситуации кризиса — для отдельного человека, как и для всего общества. Откуда берутся те, кто отваживается сказать “я знаю как” и призывать других идти за собой? Опять-таки — какой социально-психологический механизм здесь работает?

3. Как связана агентность со степенью стабильности-нестабильности общей социальной ситуации, со степенью кризисности социальной системы? Уместно ли вообще использовать такое понятие как “степень кризисности”? И что это может означать для раскрытия сути понятия агентности? Агент изменений в ситуации некой нестабильности и агент изменений в кризисной ситуации — это разные по социальному генезису и силе изменяющей социальной активности явления?

4. Можно ли говорить о разных типах агентности — конструктивной и деструктивной, позитивной и негативной в плане реализации ценностных изменений? То есть стоит ли рассматривать в рамках указанной проблемы те примеры агентности, когда, с одной стороны, она ведет общество к новой стабилизации, выходу из кризиса, а с другой — эта стабилизация происходит на основе определенной социальной мифологии и ценностного ряда, которые отнюдь нельзя отнести к гуманным, общечеловеческим (различные типы радикального национализма, религиозного фанатизма, фашизма, тоталитаризма — примеров в истории предостаточно).

5. Какова мера непредсказуемости результатов деятельности тех, кого мы назовем агентами изменений? Иными словами, насколько эти изменения совпадают с той целью, которую ставили перед собой (или говорили, что ставили) те, кого мы можем считать и называем агентами? Известным фактом, на который обращал внимание и Штомпка, является то, что результаты революций почти никогда не совпадают с теми целями, которые ставили перед собой и декларировали их лидеры и проводники. В Украине последних лет мы в этом убеждались неоднократно.

Разумеется, ответы на эти вопросы можно найти лишь в результате тщательной теоретической и эмпирической обработки заявленной темы. Но сейчас мы можем предложить определенные методологические ходы в этом направлении и, исходя из них, очертить контуры концептуальной схемы, от которой можно оттолкнуться для дальнейших работ.

Методологическая база, которая мне представляется наиболее адекватной для раскрытия проблемы, прежде всего во второй ее постановке, — это уже привычное для меня сочетание *парадигмы сложности, сетевой парадигмы и парадигмы практик*. Это парадигмальное сочетание я использовала для построения интегративной модели социальной напряженности [Бевзенко, 2018]. Полагаю, некоторые из тех результатов пригодятся и в этом случае. Как показано в указанной работе, такой парадигмальный микс обеспечивает понимание социальной ситуации на трех уровнях социальной реальности. А именно:

1) *макроуровень* — *парадигма сложности* (нелинейность социальных процессов, самоорганизация, особенность момента социального кризиса,

непредсказуемость и непрогнозируемость событий в ситуации предельного кризиса [Бевзенко, 2002; Майнцер, 2009; Николис, Пригожин, 1990; Cleveland, 1994; Grobman, 2005]. Здесь обосновывается значение идеи-мифа и правил социальных игр как интегрирующей социокультурной почвы социальной стабильности и, соответственно, разрушение предыдущих и появление новых мифов-идей и правил социальных игр как фактора изменения конфигурации социального ландшафта);

2) *сетевая парадигма — мезоуровень* (сетевые отношения, практики сетевых взаимодействий с учетом вовлечения в эти сети как людей, так и не-людей [Newman, 2003; Латур, 2014], символов, смыслов, культурных кодов, что приводит к появлению эмерджентных сетевых образований; последние образуют основу процессуального *социального порядка* как социальной ткани (непрерывно воспроизводящейся в повседневных практиках сетевых взаимодействий), а их разрушение приводит к нарушению плотности социальной ткани и кризису дестабилизации этого порядка (в локальных или глобальных масштабах);

3) *парадигма практик — микроуровень* (индивидуальные габитуальные настройки на практики сетевых взаимодействий на мезоуровне [Бурдые, 1998; Волков, 1998; Волков, Хархордин, 2008]). Разрушение этих настроек в ситуации социального кризиса здесь выглядит как габитуальный кризис. Этот кризис на уровне отдельного человека либо обуславливает депрессивный отказ от поиска нового формата социального существования, либо стимулирует поиск других сетей и сетевых взаимодействий, новой социальной включенности. Этот поиск происходит именно на уровне габитуальных изменений, не является отрефлексированным, скорее представляя собой эмоциональное сканирование социального пространства ради поиска свободных социальных валентностей у находящихся рядом людей (условно рядом, сейчас это может быть и “рядом” в социальных сетях). Идеи, движения, харизматичные лидеры — это именно те агенты, которые предлагают такие валентности. Тем самым отдельный человек включается в мезо- и макроуровень социальных изменений, входя в поле той или иной агентности. (Как пример возьмем ситуацию революций и вопрос, почему они иногда разгораются как бы сами по себе, а в иных случаях не удается ничего зажечь и за огромные деньги. Если нет достаточного количества людей, вошедших в состояние габитуального кризиса, призывы даже харизматичного лидера не найдут отклика. Нет “свободных валентностей”, которых может коснуться его призыв и позвать за собой, что только и может превратить его в агента изменений в ситуации кризиса.)

Отдельно нужно отметить выводы из сказанного, которые выглядят важными для эмпирических исследований *состояний кризиса и высокой социальной напряженности*. Габитуальный кризис как проявление этих состояний на микроуровне заставляет говорить о неэффективности исследовательских намерений и суждений людей, находящихся в этой социальной ситуации. Габитус — это та составляющая регулятивной системы, которая направляет человеческое поведение (в том числе и социальное) и которая не является полностью отрефлексированной, особенно в состоянии кризиса. Поэтому исследования переживаний, эмоциональных реакций на эти состояния и эмоциональных толчков к действию и активности будут здесь наиболее адекватными [Бевзенко, 2008; Злобина, 2014, 2016].

Настоящий агент социальных изменений в такой ситуации — это пассионарная личность, харизматичный лидер, предлагающий новый формат игр в разных социальных полях, новый социальный миф, одновременно интегрирующий и стабилизирующий (пример — американская мечта в США, коммунистический миф в СССР, быстрый расцвет независимой Украины в период распада СССР). Но он не просто предлагает и агитирует. Агентность — это действие и пример. Агент собственной уверенностью и энергией способен задавать новые порядки.

Полагаю, что *разделять идею — лидера — движение (и даже революцию) можно лишь условно*. Как правило, это — всего лишь составляющие единого социообразующего процесса, единого акта агентного действия. В качестве примера того, что это звенья единой цепочки изменений, можно привести хрестоматийную ситуацию с протестантской этикой и ее агентностью в становлении капиталистической системы хозяйствования, капиталистического экономического уклада [Вебер, 1990]. У протестантской идеи были конкретные авторы — личности-реформаторы — Лютер, Кальвин. Проводниками этих идей были весьма неоднозначные и порой кровавые события, которые можно назвать протестантским движением. И лишь гораздо позже это воплотилось в капиталистических экономических отношениях, что оказалось довольно неожиданным и даже противоречило тому, что содержалось в протестантской идее, введенной Лютером. Первичное намерение основателей Протестантизма — перенести монашество и аскезу в повседневность, расширить монастырские стены до границ всего общества — реализовалось в абсолютно противоположное, в культ денег как показателя бизнес-успеха, конкурентности, индивидуализма и других признаков капиталистических отношений.

Еще одним примером является идея коммунизма, сформулированная в трудах Маркса, которая перелилась в коммунистические и социалистические движения, привела к социалистической революции в России, воплотилась в социальных изменениях, происходивших после 1917 года. Здесь тоже были свои харизматичные лидеры, агенты и проводники социальных изменений, которые, в конечном счете, оказались крайне отличными от того, что имел в виду Маркс.

Таких примеров немало. Существенен во всех этих случаях момент, не лежащий на поверхности. В каждом случае появлению идеи, лидера, движения, революции предшествовала соответствующая *социальная ситуация, определенная кризисность, усиление нестабильности, запрос на изменения*, — то, что глухо и неструктурированно присутствовало в обществе в виде хаотизации повседневности, индивидуальных кризисных состояний, разрыва сетевых взаимодействий (на мезоуровне), образующихся ради обеспечения всяких человеческих потребностей — от безопасности и питания до медицинской и духовной поддержки. Разорванные сети требовали новой конфигурации, при которой эти потребности могли бы удовлетворяться. Это было запросом на новый общественный порядок. Этот запрос на изменения, как правило, не имеет в каждом индивидуальном случае четкой изначальной оформленности. Социальная напряженность (разрывы в социальной ткани, в практиках сетевых взаимодействий) — в субъективном измерении приобретает форму эмоциональной напряженности и эмоционально окрашенного поиска новых цепочек взаимодействий. Именно агенты изменений предлагают эти новые цепочки и становятся точками притяжения, аттракторами для других членов общества.

После распада Советского Союза наша страна прошла несколько волн роста — спада социальной напряженности и, соответственно, разрушения — восстановления — построения новых сетей социальных взаимодействий. На каждой такой волне были свои уровни социальной неудовлетворенности (хаотизированности социального пространства), свои идеи, личности, проводившие их в жизнь, движения и революции. Явление псевдодвижений, искусственно создаваемых ради чьих-то частных интересов, для нас тоже представляет интерес. Эта ситуация противоположна той, о которой говорилось выше. Здесь уже имеется кризис и востребованность перемен, но не каждому удается стать агентом должных изменений. Отсутствие харизмы у лидера (этого не купишь ни за какие деньги) лишало подобные движения качества агентности, даже если это происходило в благоприятной для изменений социальной ситуации. Поэтому они закономерно не оказывали реального влияния на ход событий.

Нужно сказать, что даже реальные агентные действия почти никогда не заканчивались тем, ради чего они начинались, и последующие изменения не отвечали ожиданиям самих участников событий, самих агентов. И в рамках предложенного взгляда на макродинамику общества (парадигма сложности, нелинейная парадигма) это выглядит прогнозируемым и закономерным. В кризисных точках, как можно утверждать на основе этого теоретического взгляда [Бевзенко, 2005], дальнейший ход событий и конфигурация дальнейшего социального порядка принципиально непредсказуемы, точнее, вариативно предсказуемы. Варианты просчитать очень трудно, для этого нет соответствующих теоретических моделей и инструмента. (Тяжело говорить о возможности их построения даже при наличии соответствующего математического аппарата и мощной вычислительной техники. Чтобы эти модели работали, нужна невероятно высокая точность. Если для линейных моделей небольшая ошибка дает небольшие отклонения в прогнозах, то для нелинейных это не так — малая начальная ошибка в результате может дать абсолютно ошибочный прогноз. Хрестоматийным примером служат прогнозы погоды, где дальше трех дней что-либо прогнозировать очень трудно как раз по этой причине.)

Но принципиально важен сам факт вариативности, вытекающий из выбранной методологической платформы. Более того, если даже гипотетически предположить возможность просчитать варианты, непредсказуемость прогноза все равно будет сохраняться из-за невозможности сказать, какой из вариантов может реализоваться. Здесь ситуацию может направлять простой случай. Условно говоря — это ситуация, когда к месту решающих социальных событий (например, к сцене на Майдане или к Смольному в Петербурге) быстрее дошел тот или иной лидер. И именно он, его качества, направление его агентности могут оказаться судьбоносными для всего социума. Но для этого нужна та социальная волна, которая его возвысит.

Если спускаться от этих весьма общих рассуждений к более четким контурам возможной концептуальной схемы, то уместнее всего обратиться к *понятию социального* института как задающего правила игры для каждого человека, и тем самым задающего социальный порядок в обозначенном выше понимании — как конфигурацию сетевых взаимодействий, образующуюся благодаря этим правилам игры.

Далее я буду использовать целый ряд социологических понятий. Поэтому нужно отметить один важный момент. Понятие социального института, как и большинство других понятий, которыми я далее буду оперировать, имеет широкий диапазон смысловых нагрузок, часто в пределах, по сути, противоположных значений. Исследованию этих колебаний смыслов, связанности их с тем или иным автором посвящено множество историко-теоретических трудов. Но уже стала явной иллюзия о том, что здесь можно указать только одно “правильное” определение, как того требовала в свое время позитивистская наука. Постпозитивизм, в рамках которого мы сейчас работаем, желая того или нет, ставит нас в другие эпистемологические рамки. В каждом реальном теоретическом или эмпирическом исследовании авторы используют тот набор смыслов относительно необходимых понятий, который позволяет объединить эти понятия в согласованной концептуальной схеме. Вот почему мы сейчас говорим *не о понятиях и теориях, а о концептах и концепциях*. Поэтому мы, хоть и используем обычно термин “понятие”, скорее говорим о концептах — тех смысловых “нарезках”, которые мы выбираем в нашем конкретном случае для работы с этим концептом как познавательным инструментом. Как правило, в таком случае следует оговаривать, что именно будет иметь в виду автор, используя определенные термины. Я сделаю это для термина “социальные институты”, поскольку собственно на язык институциональных изменений я переведу проблему социальных изменений.

Имена классиков социологии, как правило, упоминаемых в связи с этим понятием, образуют внушительный ряд — от О. Конта и Г. Спенсера через Э. Дюркгейма, К. Маркса, М. Вебера, Т. Парсонса, Р. Мертон и Т. Веблена и до современных неонституционалистов во главе с Д. Нортон. Как с этим работать в нашем конкретном случае?

Чтобы выбрать необходимую нам смысловую конфигурацию в концепте “социальные институты”, я буду исходить из задачи использовать этот концепт для уточнения других концептов — “социальный порядок”, “социальные изменения” и “агент социальных изменений”, то есть определить социальный порядок через институциональный порядок и социальные изменения — через институциональные изменения.

Выше я определила *социальный порядок* через совокупность сетевых взаимодействий, наблюдающихся в социуме, назвав это социальной *тканью*. *Степень социальной упорядоченности — это степень плотности, прочности социальной ткани*. Каким в таком случае будет адекватное определение социального института?

Вернемся к практикам сетевых взаимодействий. Что их в реальности детерминирует? Как возникают те правила, по которым образуется эта ткань повседневных взаимодействий (людей с людьми — через обмен информацией, символами, вещами, словами, эмоциями — и людей с вещами, которые тоже вплетены в ткань повседневности), постоянное процессуальное воссоздание, повторяемость которого задает предсказуемость и устойчивость социального целого в докризисные, стабильные времена?

В рамках предложенного подхода, связанного с (нелинейной) парадигмой сложности, выделяются два механизма образования социального порядка и, соответственно, два механизма социальных изменений — *организационный и самоорганизационный* [Бевзенко, 2002].

Первый механизм (организационный) связан с внешним контролем, властью, формальными правилами, всеми теми факторами, которые направляют человеческое поведение и человеческие практики благодаря внешним силам власти, государства, принуждения и контроля. Эти правила оформлены в виде публично обнародованных (и письменно закреплённых) указов, законов, распоряжений, договоров, правовых норм. Соблюдение этих правил обеспечивают определенные учреждения. Очевидно, что в переводе на язык институтов *речь идет о формальных* институциональных образованиях, правилах и организациях, несущих в себе нагрузку создавать, отслеживать, сохранять, изменять эти правила и применять санкции к нарушителям их выполнения. Благодаря этим правилам институты должны обеспечивать выполнение определенных социальных функций посредством регуляции человеческих действий-поведения. В теории социальных институтов такое понимание близко к линии структурных функционалистов.

Второй механизм (самоорганизационный) — это правила, образующиеся спонтанно, в дополнение к формальным правилам, либо обходя или отвергая их. Для них не существует организаций и формальной согласованности, но они устойчивы и повторяющиеся, и по ним люди живут и взаимодействуют. Эти самоорганизационные порядки держатся на том, что мы, вслед за Ю. Левадой [Левада, 1993], назвали игровой составляющей социального действия (наряду с функциональной, активизирующейся в случае формальных правил). Генезис таких правил на макроуровне связан со спонтанным образованием самоорганизационных социальных структур (устойчивых сетей социального взаимодействия). Они возникают не как чьи-то конкретные замыслы или проекты, а как результат постепенного коллективного выбора оптимального формата социальных взаимодействий в определенном социуме и в определенной ситуации. В институциональных определениях это можно назвать *неформальной стороной социальных институтов*.

По-видимому, ближе всего к такому пониманию то, что предлагает в своей культуральной социологии Дж. Александер. У него это касается прежде всего института гражданского общества, но для нас важным является предложенное американским социологом понимание того, что этот институт следует рассматривать не только через нормативные положения (формальные правила), но и через ту повседневную фактичность, которая включает и эту составляющую, по своему рисунку напоминающую культурные форматы, и опираясь на собственные символы, ритуалы, культурные коды [Александер, 1999; Alexander, Smith, 2004]. Близкие идеи о нормативности и фактичности институтов гражданского общества можно найти у Ю. Хабермаса [Habermas, 1996].

Принимая во внимание параллель между концепцией Александера и тем, обоснованным в рамках самоорганизационного подхода фактом, что социальная самоорганизация представляет собой социальные взаимодействия игрового и мифологического порядка, можно сказать:

1. Говоря о культурной составляющей в структурах гражданского общества, Дж. Александер, по сути, говорит о необходимости в институте гражданского общества рассматривать и учитывать как его формальный, так и неформальный аспект, как организационный, так и самоорганизационный.

2. По аналогии с институтом гражданского общества можно утверждать — каждый социальный институт имеет свое организационное и самоорганизационное, формальное и неформальное измерение. (И они ни в коем случае не должны оставаться за рамками социологического внимания.) Первый представляет собой формально зафиксированный нормативный порядок. Второй — это та составляющая суммарно действующей системы правил (существующей фактичности), которая возникает спонтанно вследствие процессов социальной самоорганизации и носит характер привычных, повторяющихся, рутинизированных практик социальных взаимодействий. Последние закрепляются на мезоуровне в устойчивых социальных сетях, а на микроуровне — в индивидуальных габитуальных настройках. Постепенное закрепление этих взаимодействий в определенных ритуальных, символических формах придает им формат, подобный культурным образованиям.

Следуя предложенной логике, мы естественно выходим на понятия габитуса и практик, утвердившиеся в социологическом дискурсе благодаря работам П. Бурдьё, в которых эти понятия объединились в объемную концептуальную схему вместе с такими понятиями, как социальная структура, социальное поле. Социальное поле у Бурдьё и является собой неформальную сторону социального института [Бурдьё, 2005]. Даже правила, по которым люди взаимодействуют в рамках того или иного социального поля (литературы, науки, бизнеса, медицины, образования и т. п.), Бурдьё обозначает как правила игры. У него это скорее метафора, но, обосновав то, что эти неформальные взаимодействия в рамках определенного института (поля) подпадают под определение социальной игры [Левада, 1993; Хейзинга, 1997], мы можем с большей уверенностью говорить — речь идет как раз о правилах взаимодействия игрового формата, возникающих в процессе социальной самоорганизации. Последняя свою аттрактивность (атрибутивное качество самоорганизационных процессов) проявляет через аттрактивность игровых структур.

Таким образом, примем это в качестве рабочего определения социального института: совокупность правил игры, по которым люди в определенном обществе выстраивают свои взаимодействия в разных социальных полях. Эти правила аналитически можно разделить на формальные (идут от формальной, организационной составляющей института) и неформальные (от неформальных, самоорганизационных порядков). Но в реальной жизни эти две системы правил сочетаются, и это сочетание образует основу реального общественного порядка. И здесь можно согласиться с функционалистами — эти совокупные правила должны обеспечивать институциональную функциональность. Но именно совокупные. А не сугубо формальные.

Устойчивость–неустойчивость институционального порядка вытекает прежде всего из согласованности–несогласованности этих двух систем правил игры. Институциональная неустойчивость — это зыбкий баланс между такими правилами. Институциональный кризис — критичная несогласованность между этими правилами, когда, чаще всего, формальные порядки уступают место неформальным и формальные институциональные правила перестают работать. Классический пример — коррупция в нашем обществе. Она не входит ни в одну систему формальных правил ни в одном из институтов, но успешно регулирует правила взаимодействий почти во всех. Не случайно наличие коррупции называли основой недоверия к власти, которое постоянно возникало и приводило к очередным революциям.

Теперь становится очевидным, о чем мы должны говорить на языке социальных институтов, когда речь идет о социальных изменениях, то есть об изменениях этих двух составляющих в общей структуре институциональных правил игры. И весь дальнейший ход этих изменений, все то, что мы назовем агентностью в этих изменениях, будет задаваться именно процессами, процедурами изменения правил игры в формальной и неформальной составляющих социальных институтов. И если в плане формальной составляющей все выглядит довольно просто — изменение писанных правил, законов, требований, то неформальная составляющая не настолько очевидна. Выше мы (вслед за Александром) показали, что ей свойственен формат, подобный культурным образованиям, а инерция культуры — дело известное. Инерция неформальных правил взаимодействий здесь тоже очевидна. Привычное, габитуально закрепленное, да еще и передающееся на протяжении нескольких поколений, менять очень трудно. Оно не является продуктом рефлексии и волевого самоуправления для большинства людей. Разумеется, это возможно для небольшой части общества, но чаще всего эти привычки находятся за порогом сознательного отслеживания. Нужен габитуальный кризис, стресс, эмоциональное потрясение, чтобы человек оказался перед необходимостью выходить из круга привычного.

Здесь нам следует вернуться к главному фокусу нашей проблемы — социальному кризису. Как об этом сказать, используя концепт социальных институтов? Как в этой терминологии описать неустойчивость, нестабильность или разрушение социального порядка? Все эти определения можно разместить в один ряд, если связать со степенью социальной кризисности, а последнюю — с напряженностью, вытекающей из функциональной состоятельности–несостоятельности совокупных правил игры в том или ином социальном поле. Иными словами, если в медицинском поле формальные правила бесплатной медицины и неформальные привычки платить врачам более-менее действенно работают в поддержку здоровья людей в тех пределах, которые они считают приемлемыми, то мы говорим об относительной функциональной способности этого института. Когда же неформальные правила выписывать очень дорогие лекарства и требование платить за медицинские услуги ставит множество граждан в ситуацию невозможности эти услуги получить, то мы говорим о дисфункциональности совокупных правил игры.

В этом случае можно сказать: неустойчивость и нестабильность — это два близких по значению слова, и в нашем понимании они могут указывать на то, что правила поведения в рамках того или иного института, формирующиеся в обществе в результате сочетания существующих формальных и неформальных правил игры, способны лишь частично или для части людей работать на выполнение этими институтами своих общественных функций. При этом самоорганизация на неформальном уровне может порождать правила, являющиеся не только дополняемыми, но и противоположными правилам формальным, как уже неоднократно упоминавшиеся формальные институциональные порядки и деформирующие их неформальные коррупционные отношения. Но этот кентавр может тем или иным образом удовлетворять потребности людей до определенного времени. Разрушение социального порядка и социальных институтов — это ситуация, когда формальные правила и неформальные правила уже являются скорее противоположностью, нежели взаимодополнением, и именно неформальные являются действенными.

В таких случаях часто можно услышать “социальные институты не работают”, “институциональная система дала трещину”. И это проблема не только нашей страны. В такой ситуации, как бы неожиданно это ни прозвучало, ныне (на январь 2020 года) оказалась страна, где сила и устойчивость институциональных порядков выглядели безусловными и образцовыми, — Соединенные Штаты Америки. В интервью газете “День” наш бывший волонтер, а сейчас исследователь в Центре конституционной демократии Индианского университета Геннадий Друзенко по этому поводу подчеркивает крайне неожиданные вещи касательно ситуации в США: “Такие ученые, как Тимоти Снайдер, Брюс Аккерман, Тимоти Гинсберг — звезды в своих сферах, с разных сторон сходятся в том, что шанс не утрачен, однако институты дали трещину, эквивалентную ситуации времен Гражданской войны в США (1861–1865), когда конфликт не удалось разрешить институционально и пришлось применять оружие” [Капсамун, 2020]. Говорится уже не о нестабильности, а о полном сломе институционального (социального) порядка. Главное, на что он указывает, — это то, что нарушился баланс между формальным и неформальным институциональным порядком со сдвигом в сторону неформального. В слушаниях, которые проходили по поводу импичмента президента Трампа в Конгрессе и Сенате США (в конце 2019-го и в начале 2020-го), никто не прислушивается к аргументам, голосование идет по принципу — “свой-чужой”. Разумеется, что здесь мы уже имеем дело с глубоким институциональным кризисом, оставляющим небольшой шанс на стабилизацию.

Описанное институциональное разрушение является ситуацией, когда востребованной становится агентность в институциональных изменениях — как на формальном, так и на неформальном уровне. Но механизм осуществления этой агентности тут существенно отличается. Ведь результат, к которому должна стремиться эта агентная деятельность, — это утверждение новых правил игры для этих двух уровней институционального порядка. И если в первом случае эти правила можно формально написать, то во втором это крайне непростой процесс. Организовать самоорганизацию принципиально невозможно. В момент кризиса можно лишь “подтолкнуть” общество к новым самоорганизационным сдвигам. Это действительно могут сделать харизматичные лидеры, определенные общественные движения, конкретные социальные идеи. И идти это, как правило, будет в разрез с имеющимися прежними правилами — как формальными, так и неформальными.

В нашей стране в качестве примера можно привести волонтерское движение, развернувшееся после Революции Достоинства и начала вооруженного противостояния на Востоке страны. В то время, особенно после начала военных действий, мы воочию наблюдали глубокий институциональный кризис, функциональную неспособность государственных институтов отвечать на требования ситуации. Тогда волонтеры начали действовать в различных институциональных полях, самоорганизационно утверждая там новые, функционально дееспособные правила. Это в первую очередь были те поля, где формальные институты проявили свою полную несостоятельность — армия, военное обеспечение, медицина (прежде всего военная) и социальная помощь (прежде всего тем, кто во время войны был вынужден оставить свои дома на оккупированных территориях). Волонтерская помощь во всех этих случаях оказалась мощной, эффективной и беспрецеден-

тной в мировом масштабе. Волонтерство как неформальное дополнение к формальным институтам является распространенным явлением в мире, а вот волонтерство, заменившее собой формальные социальные институты, встречается чуть ли не впервые [Бевзенко, 2019].

В качестве наглядного примера приведу короткое сообщение волонтерки, лидера того направления волонтерской деятельности, которое связано с первичным социальным обеспечением тех, кто бежал от войны на Востоке и кому на подконтрольных территориях государство не готово было своевременно предоставить помощь. Формальный институт социальной помощи не имел соответствующих действенных механизмов, коррупция съела те ресурсы, которые через официальные каналы предоставляли западные гуманитарные организации. Бюрократия делала получение помощи сплошной цепочкой страданий для вынужденных переселенцев, которые нередко приезжали в том, в чем их застала война, держа за руки маленьких детей или имея в колясках стареньких родителей. Здесь волонтеры проявили чрезвычайную гибкость, организационную состоятельность, оперативность, умение привлечь к своему движению всех равнодушных, их средства, вещи, руки, профессиональную помощь (медицина, психологическая, юридическая поддержка и т. п.). Небольшая группа волонтеров (ядро волонтерского движения), которых точно можно назвать агентами изменений, смогла взять на себя заботу обо всем этом потоке людей с Востока, бежавших от войны. Их нужно было разместить, накормить, дать одежду и необходимые вещи, оказать первичную медицинскую помощь. И не в течение месяца-двух, а в первый же день их появления в Киеве (речь идет о волонтерах, работавших в столице). Конечно, на помощь этой волонтерской группе пришло множество равнодушных киевлян, но это требовало координации и организации, что волонтеры и делали — оперативно и успешно.

Приведенное ниже ФБ-сообщение написано в августе 2018 года, когда большинство из тех острых проблем уже было разрешено. Но волонтеры не прекращали своей работы, продолжали помогать вынужденным переселенцам, искавшим ресурсы для выживания в новых условиях.

Вот этот диалог гражданина (Г) и волонтерки (В). В нем — вся суть агентности в ситуации институциональной нестабильности (привожу дословно):

— **Г:** Пусть уже нашу страну оставят в покое.

— **В:** Кто?

— **Г:** Да все. Хочу обнести железным забором по периметру. И просто жить.

— **В:** А жить как?

— **Г:** Просто жить. И не цепляй меня. С вашей образовательной реформой, с медицинской. Я злой. Вон за Майдан кого-то посадили? Пусть они сначала посадят. Пусть они хоть что-то сделают.

— **В:** Слушай, возьми и что-то сделай. Работы же вокруг — непочатый край.

— **Г:** Э, нет. У меня куча проектов. Я свою работу хорошо делаю. А они пусть страну меняют.

— **В:** ... У меня нет сил объяснять, что нет никаких абстрактных “их”. И что удобнее всего говорить про “все вокруг козлы”. Что те, кто пытаются что-то поменять, давно забыли, что такое “у меня своя работа, а страну пусть меняют другие”. Мне вообще иногда кажется, что я живу в какой-то альтер-

нативной реальности. И, знаете, мне она нравится. В моей реальности люди за двое суток собирают почти 90 000 гривен, чтоб помочь начать лечиться человеку, которого в глаза не видели. В моей реальности на День Независимости народ собирается не на шашлыки, а на увлекательный квест “перевези большую семью с места на место за световой день”. В моей реальности доктор пишет с отдыха, что соскучился за работой. И невыносимо вторую неделю бить баклуши на море, когда тут у нас дурдом. В моей реальности за сутки можно решить почти любую задачу. Стоит только поставить цель. В моей реальности люди, никогда раньше этого не умевшие, разбираются по необходимости в тонкостях законодательства, в поставках лекарств и нормах вырубki лесов. В моей реальности нет абстрактных “они”. Есть конкретные “мы”. И если что-то недоделано, недодумано, недоработано — это наша вина. Потому что каждый человек может влиять на происходящее. Каждый. Без исключения. Если хочет, конечно”.

В этом диалоге — квинтэссенция того, что происходит именно на уровне взаимодействий отдельных людей и их видения ситуации. “Г” является хорошим гражданином, но он мыслит ситуацию в терминах стабильных институтов — прежде всего государственных, формальных, дееспособных. “Пусть они” — речь идет о судах, правоохранительных органах. Волонтерка хорошо понимает, что на эти институты полагаться не стоит, и выжить будет невозможно, если не взять эту работу на себя. Примеры, которые она приводит из своей реальности, просто поражают. Речь идет о женщине — переселенке с семьей детьми и больной матерью. Ее выселяют из дома в селе, который им дали люди для временного проживания в 2014 году. К волонтерам она обратилась за помощью со строительными материалами, чтобы как-то отремонтировать другой дом в этом же селе, который ей предлагали купить за 50 тыс. грн, но в очень плохом состоянии. Волонтеры нашли им за два дня гораздо лучший дом в другом селе, в хорошем состоянии, с мебелью и отоплением. За те же деньги. Деньги за два дня по призыву волонтеров через сеть ФБ собрали люди. Квест “Перевезти семью в День независимости” — это об этом случае. И люди собрались, со своими машинами, за один день их перевезли. Представить такую помощь от государства просто невозможно. Это действительно совсем другая реальность. В ней другие правила игры, другие отношения между людьми.

И в этом сообщении — хорошо передана суть той другой реальности, свойственной движению (в данном случае волонтерскому) и лидерам как агентам изменений. Это мотивация самым процессом и взятие на себя ответственности за все. Нет ожидания помощи от формальных институтов. Вместо этого — создание правил игры в неформальном поле, по которым этот институт или какая-то его часть начинают успешно функционировать.

Закончим этот концептуальный очерк схематическим отражением контура концептуальной схемы, в который может вписаться продолжение предложенных размышлений. В этой схеме присутствует большинство упомянутых понятий-концептов наряду с подробно обсужденным концептом социального института. Конечно, для каждого из остальных понятий должно быть предложено аналогичное обсуждение и смысловое уточнение. И это действительно лишь контур, поскольку реальная концептуальная схема требует более подробной проработки моментов перехода от одного предложенного блока к другому.

Основной контур общей концептуальной схемы исследования проблемы агентов социальных изменений в ситуации социального кризиса (институциональной нестабильности). Основные понятия и связь между ними в рамках концептуальной модели

Основные понятия: социальные институты, институциональный кризис — неустойчивость, социальные изменения, социальный порядок, механизмы социальных изменений, социальное действие, практики сетевых взаимодействий, агенты и субъекты социальных изменений

<p>Социальные институты — правила игры, регулирующие социальные взаимодействия.</p> <p>Результат действия — установление социального порядка (процессуального, подвижного как любая игра).</p> <p>Макросистемное целевое назначение — обеспечение функционирования общества, удовлетворение общественных потребностей — безопасность, здоровье, образование, социальная защита и т. п.</p>	
<p>Формальная составляющая — формальные правила игры.</p>	<p>Неформальная составляющая — неформальные, общепринятые правила игры.</p>
<p>Теоретически описан — структурно-функциональный подход.</p>	<p>Теоретически частично описан — неoinституциональный подход.</p>
<p>Происхождение правил игры — результат работы институциональных организаций. У нас — от Рады к местным институциональным учреждениям. Организация.</p>	<p>Происхождение правил — история, культура, привычки. Постепенность, спонтанность появления и самовоспроизводство. Самоорганизация.</p>
<p>Реализуется — через социальное действие, сознательное принятие правил поведения. Внешний контроль.</p>	<p>Реализуется — через габитус и практики, дорефлективное соблюдение правил. Самоконтроль.</p>
<p>Социальный институт на уровне каждого человека — это нахождение в поле действия обеих систем правил.</p>	
<p>Социальный порядок — совокупность всех взаимодействий между людьми, людьми и не-людьми (вещами), людьми и символами, идеями, мифами, что происходит по определенным правилам, которые эти действия упорядочивают. Процессуальное явление.</p> <p>Формальная составляющая — социальные взаимодействия по устоявшимся организационным правилам (законам, распорядкам, уставам, предписаниям и т. п.).</p> <p>Неформальная составляющая — практики сетевых взаимодействий во всех социальных полях.</p>	
<p>Институциональная неустойчивость, кризис — неустойчивость и кризис институциональных правил игры, частичная или полная функциональная неспособность суммарных институциональных правил игры в деле обеспечения устойчивости социального порядка.</p>	
<p>Социальные изменения — изменения социального порядка путем изменения правил игры в формальной и неформальной составляющих социальных институтов. Могут происходить как в сторону укрепления функциональности институтов, так и в сторону усиления неустойчивости.</p> <p>Актуальная проблема — агенты и механизмы изменений институциональных правил игры в сторону большей устойчивости и функциональной эффективности, большей согласованности между формальными и неформальными правилами.</p>	
<p>Изменения на формальном уровне — изменение формальных правил, законов, конституции, решений, организаций.</p>	<p>Изменения на неформальном уровне — изменение неформальных, привычных, габитуально укорененных правил игры.</p>

Окончание контура

<p>Механизм — организационный. Рациональное конструирование правил. Наличие вербально-документального формата. (Правила сверху.)</p>	<p>Механизм — самоорганизационный. Спонтанное принятие все большим количеством людей правил игры, предложенных (самим фактом игры, а не вербально или документально) отдельным лидером или группой людей.</p>
<p>Эмпирические референты социальных изменений — это изменение правил игры, регулирующих практики повседневного социального взаимодействия в разных институциональных полях.</p>	
<p>Агентность и субъектность.</p>	
<p>Субъект, отношение к обществу как к объекту (субъект-объектные отношения). Преимущественно рациональное действие. Жесткое формирование системы правил до начала игры</p>	<p>Агент — отношение к обществу как к субъекту, идентичность с ним и возможность изменений. Эмоциональная привязка. Мягкая система правил, постепенно корректирующаяся в процессе игры.</p>
<p>Агент изменения формальных правил — наделенные полномочиями человек или группа, которые изменяют формальные правила. Имплементация осуществляется при помощи системы санкций. Внешний контроль.</p>	<p>Агент изменения неформальных правил — неформальный лидер или группа, которые задают новые правила своим поведением. Они распространяются в обществе за счет тяготения людей к этим правилам и их носителям. Самоконтроль.</p>
<p>Снятие институциональной неустойчивости — кризиса — когда нет существенных расхождений между двумя измененными системами практик и они способны обеспечивать функциональность соответствующих институтов.</p>	

Источники

Александр, Дж. (1999). Парадоксы гражданского общества, *Социология: теория, методы, маркетинг*, 1, 27–41.

Аршинов, В., Буданов, В. (2017). Системы и сети в контексте парадигмы сложности. *Вопросы философии*, 1, 50–62.

Бевзенко, Л. (2002). Социальная самоорганизация. Синергетическая парадигма: возможности социальных интерпретаций. Киев: Институт социологии НАНУ.

Бевзенко, Л. (2005). Социальная самоорганизация в теории и практике Майдана. *Totallogy-XXI (двадцатый выпуск). Постнеклассичні дослідження* (с. 41–78). Київ: ЦГО НАН України.

Бевзенко, Л. (2008). *Стили жизни переходного общества*. Киев: Институт социологии НАНУ.

Бевзенко, Л. (2018). Интегративна концепція соціальної напруженості — методологія, концептуальна схема, прагматика. *Соціологія: теорія, методи, маркетинг*, 3, 43–74; 4, 73–104.

Бевзенко, Л. (2019). Волонтерський рух в Україні як форма громадянської активності — концептуальні засади наукового розгляду. В: О. Резнік (ред.), *Соціологічні виміри громадянського суспільства в Україні* (с. 220–228). Київ: Інститут соціології НАН України.

Бурдые, П. (2005). *Социальное пространство: поля и практики*. Санкт-Петербург: Алетейя; Москва: Институт экспериментальной социологии.

Бурдые, П. (1998). Структура, габитус, практика. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 1 (2), 40–58.

- Вебер, М. (1990). Протестантская этика и дух капитализма. Москва: Прогресс.
- Волков, В. (1998). “Следование правилу” как социологическая проблема. *Социологический журнал*, 3 (4), 156–170.
- Волков, В., Хархордин, О. (2008). *Теория практик*. Санкт-Петербург: Европейский университет в Санкт-Петербурге.
- Заславская, Т. (2002). О социальных факторах расхождения формально-правовых норм и реальных практик. В: *Куда идет Россия? Формальные институты и реальные практики* (с. 11–22). Москва: МВШСЭН.
- Злобіна, О. (2014). Емоційна складова суспільних перетворень (на прикладі становлення Майдану). *Соціальні виміри суспільства: збірник наук. робіт*, 6 (17), 314–326.
- Злобіна, О. (2016). Соціальні трансформації в емоційному вимірі: від методологічних питань до методичних рішень. Вісник Харківського національного університету імені В.Н. Каразіна. Серія: Соціологічні дослідження сучасного суспільства: методологія, теорія, методи, 36, 28–35.
- Капсамун, І. (2020). Правник та волонтер Геннадій Друзенко — про нові правила гри для країни. *День*, 23 січня.
- Латур, Б. (2014). Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию. Москва: Высшая школа экономики.
- Левада, Ю. (1993). Игровые структуры в системах социального действия. В: *Статьи по социологии* (с. 99–122). Москва: Фонд Макаруров.
- Майнцер, К. (1997). Сложность и самоорганизация. Возникновение новой науки и культуры на рубеже века. *Вопросы философии*. 3, 48–61
- Майнцер, К. (2009). Сложносистемное мышление: Материя, разум, человечество. Новый синтез. Москва: ЛИБРОКОМ.
- Николис, Г., Пригожин, И. (1990). *Познание сложного*. Москва: Мир.
- Норт, Д. (1997). Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. Москва: Начала.
- Патнам, Р., Леонарди, Р., Нанетти, Р. (2001). Творения демократії. Традиції громадянської активності в сучасній Італії. Київ: Основи.
- Парсонс, Т. (2000). *О структуре социального действия*. Москва: Академический проект.
- Саймон, Г. (2008). Структура сложности в развивающемся мире. *Компьютеры, мозг, познание: успехи когнитивных наук*. М.: Наука. 21–28.
- Степаненко, В. (2006). Громадянське суспільство як дискурс та соціальний нормативний порядок у соціології Дж. Александера. *Соціологія: теорія, методи, маркетинг*. 2, 5–23
- Хабермас, Ю. (2001). Вовлечение другого. Очерки политической теории. Санкт-Петербург.
- Хейзинга, Й. (1997). Homo Ludens. “Человек играющий”: Статьи по истории культуры. Москва: Прогресс-Традиция.
- Штомпка, П. (1996). *Социология социальных изменений*. Москва: Аспект Пресс
- Alexander, J., Smith, P. (2004). The Strong program in Cultural Sociology. Elements of Structural Hermeneutics. New York: Oxford.
- Byrne, D. (1998). Complexity Theory and the Social Sciences. London: Routledge.
- Capra, F., Luisi, P. (2014). The Newtonian world-machine. *The Systems View of Life: A Unifying Vision* (pp. 19–34). Cambridge: Cambridge University Press.
- Cleveland, J. (1994). *Complexity theory. Basic concepts and application to systems thinking. Innovation for Communities*. Retrieved from: <https://www.slideshare.net/johncleveland/complexity-theory-basic-concepts>
- El-Ghalayini, Y. (2017). Complexity Theory: A New Way to Look at New Public Management. *Network and Complex Systems*. 7 (1), 6–10. Retrieved from: <https://pdfs.semanticscholar.org/ab4e/4d086b3b661cbccaf2c9e76e8d557038b89b.pdf>

- Grobman, G.M. (2005). Complexity theory: a new way to look at organizational change. *Administration Quarterly*, 29 (3), 350–382.
- Habermas, J. (1996). *Between Facts and Norms: Contributions to a Discourse Theory of Law and Democracy* (pp. 22–23). Cambridge, MA: MIT Press.
- Klijn, E. (2008). Complexity Theory and public administration: What's new? *Public Management Review*, 10(3), 299–317.
- Klijn, E.H., Koppenjan, J.F. (2014). Complexity in governance network theory. *Complexity, Governance & Networks*, 1 (1), 61–70.
- Newman, M.E.J. (2003). The structure and function of complex networks. *SIAM Review*, 45, 167–256. Retrieved from: <http://www-personal.umich.edu/~mejn/courses/2004/cscs535/review.pdf>

Получено 15.01.2020.

References

- Alexander, J. (1999). The paradoxes of civil society. [In Ukrainian]. *Sociology: theory, methods, marketing*, 1, 27–41. [=Александр 1999]
- Alexander, J., Smith, P. (2004). *The Strong program in Cultural Sociology. Elements of Structural Hermeneutics*. New York: Oxford.
- Arshinov, V., Budanov, V. (2017). Systems and networks in the context of the complexity paradigm. [In Russian]. *Voprosy Filosofii*, 1, 50–62. [= Аршинов, Буданов 2017]
- Bevzenko, L. (2002). *Social self-organization. The synergistic paradigm: opportunities for social interpretations*. [In Russian]. Kyiv: Institute of Sociology, NAS of Ukraine. [= Бевзенко 2002]
- Bevzenko, L. (2005). Social self-organization in the theory and practice of the Maidan. [In Russian]. *Totalogy-XXI (twelfth issue). Post-Non-Classical Studies* (pp. 41–78). Kyiv: CSO, NAS of Ukraine. [=Бевзенко 2005]
- Bevzenko, L. (2008). *Lifestyles of a transitional society*. [In Russian]. Kyiv: Institute of Sociology, NAS of Ukraine. [= Бевзенко 2008]
- Bevzenko, L. (2018). Integrative concept of social tension – methodology, conceptual scheme, pragmatics. [In Ukrainian]. *Sociology: theory, methods, marketing*, 3, 43–74; 4, 73–104. [= Бевзенко 2018]
- Bevzenko, L. (2019). Volunteer movement in Ukraine as a form of civic activity – conceptual foundations of scientific consideration. [In Ukrainian]. In: O. Reznik (Ed.), *Sociological dimensions of civil society in Ukraine* (pp. 220–228). Kyiv: Institute of Sociology, NAS of Ukraine. [= Бевзенко 2019]
- Bourdieu, P. (2005). *Social space: fields and practices*. [In Russian]. St. Petersburg: Aletheia; Moscow: Institute of Experimental Sociology. [= Бурдьё 2005]
- Bourdieu, P. (1998). Structure, habit, practice. [In Russian]. *Journal of Sociology and Social Anthropology*, 1 (2). 40–58. [= Бурдьё 1998]
- Byrne, D. (1998). *Complexity Theory and the Social Sciences*. London: Routledge.
- Capra, F., Luisi, P. (2014). The Newtonian world-machine. *The Systems View of Life: A Unifying Vision* (pp. 19–34). Cambridge: Cambridge University Press.
- Cleveland, J. (1994). *Complexity theory. Basic concepts and application to systems thinking. Innovation for Communities*. Retrieved from: <https://www.slideshare.net/johncleveland/complexity-theory-basic-concepts>
- El-Ghalayini, Y. (2017). Complexity Theory: A New Way to Look at New Public Management. *Network and Complex Systems*. 7 (1), 6–10. Retrieved from: <https://pdfs.semanticscholar.org/ab4e/4d086b3b661cbccaf2c9e76e8d557038b89b.pdf>
- Grobman, G.M. (2005). Complexity theory: a new way to look at organizational change. *Administration Quarterly*, 29 (3), 350–382.

Habermas, J. (1996). *Between Facts and Norms: Contributions to a Discourse Theory of Law and Democracy* (pp. 22–23). Cambridge, MA: MIT Press.

Habermas, Ju. (2001). *Involvement of the Other. Essays on Political Theory*. [In Russian]. St. Petersburg. [= Хабермас 2001]

Huizinga, J. (1997). *Homo Ludens. "The Man Playing": Articles on the History of Culture*. [In Russian]. Moscow: Progress-Traditsia. [= Хейзинга 1997]

Kapsamun, I. (2020). Lawyer and volunteer Hennadii Druzenko — on the new rules of the game for the country. [In Ukrainian]. *Day*, January 23. [= Капсамун 2020]

Klijn, E. (2008). Complexity Theory and public administration: What's new? *Public Management Review*, 10(3), 299–317.

Klijn, E.H., Koppenjan, J.F. (2014). Complexity in governance network theory. *Complexity, Governance & Networks*, 1 (1), 61–70.

Latour, B. (2014). *Reassembling of the Social: An Introduction to Actor-Network Theory*. [In Russian]. Moscow: Higher School of Economics. [= Латур 2014]

Levada, Yu. (1993). Game structures in social action systems. [In Russian]. In: *Articles on Sociology* (pp. 99–122). Moscow: MacArthur Foundation. [= Левада 1993]

Mainzer, K. (1997). Complexity and self-organization. The emergence of new science and culture at the turn of the century. [In Russian]. *Voprosy filosofii*, 3, 48–61. [= Mainzer 1997]

Mainzer, K. (2009). *Complex System Thinking: Matter, Mind, Humanity. New Synthesis*. [In Russian]. Moscow: LIBROCOM. [= Mainzer 2009]

Newman, M.E.J. (2003). The structure and function of complex networks. *SIAM Review*, 45, 167–256. Retrieved from: <http://www-personal.umich.edu/~mejn/courses/2004/cscs535/review.pdf>

Nikolis, G., Prigogine, I. (1990). *Cognition of the Complex*. [In Russian]. Moscow: Mir. [= Николис, Пригожин 1990]

North, D. (1997). Institutions, Institutional Changes and the Functioning of the Economy. [In Russian]. Moscow: Nachala. [= Норт 1997]

Patnam, R., Leonard, R., Nanetti, R. (2001). *Creating Democracy. Traditions of Civic Activity in Modern Italy*. [In Ukrainian]. Kyiv: Osnovu. [= Патнам, Леонарді, Нанетті 2001]

Parsons, T. (2000). *On the Structure of Social Action*. [In Russian]. Moscow: Akademichnyi Proekt. [= Парсонс 2000]

Simon, G. (2008). Complexity structure in the developing world. [In Russian]. In: *Computers, Brain, Cognition: The Successes of the Cognitive Sciences* (pp. 21–28). Moscow: Nauka. [= Саймон 2008]

Stepanenko, V. (2006). Civil society as a discourse and social normative order in J. Alexander's sociology. [In Ukrainian]. *Sociology: Theory, Methods, Marketing*, 2, 5–23. [= Степаненко 2006]

Sztompka, P. (1996). *Sociology of Social Change*. [In Russian]. Moscow: Aspect Press. [= Штомпка 1996]

Volkov, V. (1998). "Following the rule" as a sociological problem. [In Russian]. *Sociological Journal*, 3 (4), 156–170. [= Волков 1998]

Volkov, V., Kharkhordin, O. (2008). *Practice theory*. [In Russian]. St. Petersburg: European University in St. Petersburg. [= Волков, Хархордин 2008]

Weber, M. (1990). *Protestant Ethics and the Spirit of Capitalism*. [In Russian]. Moscow: Progress. [= Вебер 1990]

Zaslavskaya, T. (2002). On social factors of divergence of formal legal norms and real practice. [In Russian]. In: *Where is Russia going? Formal institutes and real practices* (pp. 11–22). Moscow: MVHSEN. [= Заславская 2002]

Zlobina, O. (2014). Emotional component of social transformations (on the example of the becoming of Maidan). [In Ukrainian]. In: *Social Dimensions of Society: A Collection of Scientific Works*, 6 (17), 314–326. [= Злобіна 2014]

Zlobina, O. (2016). Social transformations in the emotional dimension: from methodological issues to methodological decisions. [In Ukrainian]. *Bulletin of the V.N. Karazin Kharkiv National University. Series: Sociological studies of modern society: methodology, theory, methods*, 36, 28–35. [=Злобіна 2016]

Received 15.01.2020

ЛЮБОВ БЕВЗЕНКО

Агенти соціальних змін у кризовому соціумі: варіанти проблематизації та контури концептуальної рамки дослідження

З огляду на перманентну кризовість соціальної ситуації в нашій країні актуалізується питання агентів соціальної трансформації, що діють в ці кризові моменти. Пропонується два варіанти наукової проблематизації цього питання. Перший — на платформі теоретичного бачення соціальних змін, запропонованого П. Штомпкою, який передбачає описово-констатаційне вивчення рухів, лідерів, ідей та революцій, що змінювали та змінюють наше суспільство. У другому варіанті пропонується звернення до дилеми агентів та структури, яка вже багато років обговорюється в рамках пошуку компромісу між мікро- та макродетерміністичними моделями соціальних змін. Наголошується, що терміни суспільна “трансформація”, “перехідність” та “криза” не є тотожними; криза вирізняється непередбачуваністю наслідків суспільних змін. Для ситуації суспільної кризи теоретичний мікро-макро-компромис пропонується шукати в рамках парадигмального поєднання парадигми складності, парадигми практик та мережевої теорії. Соціальні зміни конкретизуються через зміну інституційного порядку, який аналітично поділено на формальну (організаційну) та неформальну (самоорганізаційну) складові. Підкреслюються відмінності проявів агентності в рамках цих інституційних складових. Запропоновано поняттєвий ряд та контур можливої концептуальної схеми дослідження окресленої проблеми.

Ключові слова: соціальний порядок, соціальні зміни, соціальна криза, формальні та неформальні соціальні інститути, організаційні та самоорганізаційні механізми соціальних змін, агенти соціальних змін

ЛЮБОВЬ БЕВЗЕНКО

Агенты социальных изменений в кризисном социуме: варианты проблематизации и контуры концептуальной рамки исследования

В силу перманентной кризисности социальной ситуации в нашей стране актуализируется вопрос агентов социальной трансформации, действующих в эти кризисные моменты. Предлагается два варианта научной проблематизации данного вопроса. Первый — на платформе теоретического видения социальных изменений, предложенного П. Штомпкой, предполагающий описательно-констатирующее изучение движений, лидеров, идей и революций, изменявших и изменяющих наше общество. Во втором варианте предлагается обращение к проблеме агентов и структуры, которая уже много лет обсуждается в рамках поиска компромисса между микро- и макродетерминистическими моделями социальных изменений. Отмечается, что термины общественная “трансформация”, “переходность” и “кризис” не тождественны; кризис отличается непредсказуемостью последствий общественных изменений. Для ситуации общественного кризиса теоретический микро-макро-компромисс предлагается искать в рамках парадигмального сочетания парадигмы сложности, парадигмы практик и сетевой теории. Социальные изменения конкретизируются через изменение институционального порядка, который аналитически

разделяется на формальную (организационную) и неформальную (самоорганизационную) составляющие. Подчеркиваются различия проявлений агентности в рамках этих институциональных составляющих. Предлагается понятийный ряд и контур возможной концептуальной схемы исследования обозначенной проблемы.

Ключевые слова: социальный порядок, социальные изменения, социальный кризис, формальные и неформальные социальные институты, организационные и самоорганизационные механизмы социальных изменений, агенты социальных изменений

LIUBOV BEVZENKO

Agents of social change in a crisis society: variants of problematization and contours of conceptual framework of research

In view of the permanent crisis of the social situation in our country, the question of agents of social change acting in these crisis moments is actualized. Two variants of scientific problematization of this issue are proposed. The first is on the platform of the theoretical vision of social change, proposed by P. Sztompka, which provides a descriptive and ascertaining study of the movements, leaders, ideas and revolutions which change our society. The second option addresses the dilemma of agents and structure, which has been debated for many years in the search for a compromise between micro- and macro-deterministic models of social change. It is emphasized that the terms social transformation, transition, and crisis are not identical; namely, the crisis is characterized by unpredictable consequences of social changes. The search for theoretical micro-macro-compromise for the situation of social crisis is suggested to be searched within the paradigm combination — the paradigm of complexity, the paradigm of practices and network theory. Social changes are specified by a change in the institutional order, which is analytically divided into formal (organizational) and informal (self-organizational) constituents. The difference between the manifestations of agency within these institutional constituents is emphasized. The conceptual series and outline of a possible conceptual scheme of the study of the problem are proposed.

Keywords: social order, social change, social crisis, formal and informal social institutions, organizational and self-organizational mechanisms of social change, agents of social change